

Кожурин Я.Я.

Борьба Г.В.Плеханова против
богостроительства: По неопублико-
ванным материалам // Вестник
Лен. ун-та. - 1971. - № 3. - С. 89-98.

И5
К58

Я. Я. Кожурин

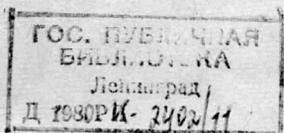
БОРЬБА Г. В. ПЛЕХАНОВА ПРОТИВ БОГОСТРОИТЕЛЬСТВА
(по неопубликованным материалам)

Страх буржуазии перед поднимающимся революционным рабочим движением и его идеологией — марксизмом — вызвал почти во всех странах Европы в конце XIX — начале XX в. реакцию в области идеологии. В философии, физике, биологии, математике, истории — повсюду росли и укрепляли свои позиции идеалистические и телеологические концепции. Наблюдалось небывалое обострение внимания к религиозным вопросам. «Религиозная тревога», «религиозные устремления», «религиозные искания» представляли одну из характерных черт буржуазии того периода.

Вскрывая социальные причины похода идеологов буржуазии против материализма, Г. В. Плеханов убедительно показал, что свойственные буржуазной философии антиматериалистические тенденции коренятся в охранительных инстинктах буржуазии. Еще Ф. Энгельс отмечал, что чем более материализм становился *credo* Великой французской революции, тем крепче держался богобоязненный английский буржуа за религию. Разве эпоха террора в Париже не показала, что происходит тогда, когда народ отказывается от религии? Последующая же история Европы с ее борьбой классов и вооруженными восстаниями, отмечает Плеханов, еще более убедила буржуазию в необходимости религии как «узды» для народа.

Большую помощь идеологам буржуазии в их стремлениях с помощью религии подчинить революционное движение пролетариата влиянию буржуазной идеологии оказывали оппортунизм и ревизионизм, принявшие в области марксистского атеизма международный характер. Основные положения марксистского атеизма ревизовали: в Германии — К. Каутский, Э. Бернштейн, Ф. Штампфер, в Бельгии — Э. Вандервельде, в Голландии — А. Паннекук, в Австрии — М., Ф., В. Адлеры. В России в среде социал-демократии возникло целое направление, известное под названием «богостроительство», которое среди многочисленных религиозных исканий, распространенных в стране в период столыпинской реакции, представляло особую опасность для рабочего движения, так как его представители пытались на основе марксизма создать новую религию — «религию социализма».

Под влиянием поражения первой русской революции у неустойчивой части социал-демократической интеллигенции исчезла вера в близкое торжество идеалов социализма. Опасаясь, что реакция будет длительной, сторонники богостроительства с целью «подъема» революционного настроения у пролетариата решили, что для борьбы с настроением уныния, пессимизма и упадка полезно распространять веру в социализм как религию. Они считали, что простой народ якобы нужда-

Для Плеханова
№ 3126 - ОТТ.
(Инв. КН. N 2)

ется в том, чтобы социалистические идеи им преподносились в религиозной оболочке.

Богостроительство, не отличаясь по существу от богоискательства, открыто выступавшего против марксизма и революционного движения, претендовало, однако, на дальнейшее «развитие» научного социализма. Богостроители рассматривали религию в качестве той силы, которая призвана спаять человечество в его борьбе за идеалы социализма. С этой целью они объявили марксизм религиозной системой, а основоположников научного коммунизма — Маркса и Энгельса — мыслителями, завершившими дело Л. Фейербаха — возвышение антропологии до степеней теологии. Себя богостроители называли творцами новой «социалистической» религии «без бога».

Наиболее видными представителями богостроительства были Богданов, Луначарский, Базаров, Юшкевич. Некоторое время под влиянием богостроительства находился А. М. Горький. Это влияние нашло отражение в таких его произведениях, как рассказ «Тоска» (1896), повесть «Исповедь» (1907) и др. Под влиянием критики со стороны В. И. Ленина, Плеханова и других марксистов Горький впоследствии отошел от богостроительства. Уже из письма к Плеханову от 20 (7) июля 1914 г. видно, что Горький распрощался с богостроительством.¹

Проповедь богостроительства сочеталась с оппортунизмом в организационных вопросах. Богостроители создали отзовистскую группу «Вперед» и начали поход против марксистской партии в то время, когда перед пролетариатом стояла задача отстоять свою партию и ее революционное мировоззрение от нападков реакции и контрреволюционного либерализма. Отзовисты не хотели использовать легальные формы борьбы и требовали отзыва социал-демократических депутатов из Государственной думы. Этим самым они пытались изолировать партию от трудящихся масс, мешали подготовке революционных сил для будущего штурма самодержавия.

Партия большевиков, возглавляемая В. И. Лениным, вела решительную борьбу за преодоление организационного и идейно-политического кризиса партии. В этот период Плеханов, возглавлявший немногочисленную группу меньшевиков-партийцев, выступал в союзе с В. И. Лениным за сохранение партии, за чистоту марксизма. Несмотря на то, что он и в этот период не прекращал своей фракционной борьбы с большевиками, выдвигал нелепые обвинения против большевиков в том, что они якобы виноваты в поражении первой русской революции, обвинял их в бланкизме, нищезанстве, сеизме и других смертных грехах, В. И. Ленин называл Плеханова этого периода на «9/10 нашим», говорил о «больших заслугах» его в борьбе с отзовистами, махистами и богостроителями. К чести Плеханова необходимо сказать, что он и сам в минуты утихания страстей признавался в «перегибе» палки. Так, в речи, произнесенной 19 августа 1910 г. «По поводу письма с Кавказа», он заявил, что «большевики были не бланкистами, а марксистами».

Благодаря разоблачению В. И. Лениным и большевистской газетой «Пролетарий» реакционной сущности богостроительства оно не получило сколько-нибудь значительного распространения среди рабочих России. Большая заслуга в этом принадлежит и Плеханову, который в целом ряде работ доказал реакционный характер богостроительства, полную несовместимость его с диалектическим материализмом. Он показал, что философской основой этого чуждого марксизму течения явля-

¹ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. IV. М., 1938, стр. 406.

ется махизм. Религия Луначарского, отмечал Плеханов в 1907 г. во время дискуссии с Богдановым и Луначарским, возникла «из декадентского стремления к *Маху*».² Увлечение эмпириокритицизмом привело русских последователей этой философии к богостроительству. «Авенариус — мамка Луначарского», — писал Плеханов в предисловии к работе «Критика наших критиков». Страстные проповедники эмпириокритицизма — Богданов, Базаров, Луначарский, Берман, Юшкевич и др. — предлагали заменить философию марксизма, которая, по их мнению, односторонняя, эмпириокритицизмом Маха и Авенариуса или эмпириомонизмом и эмпириосимволизмом собственного изготовления.

Опасность ревизии русскими махистами марксистской философии заключалась в том, что они осуществляли ее под видом развития марксизма, под видом возвращения к «подлинному» марксизму, в котором, как уверял Юшкевич, был «кусочек от благовестия, от хилиазма, от преображения».³ По примеру западноевропейских ревизионистов они считали, что марксизм не имеет своей философии и поэтому его необходимо соединить или дополнить эмпириокритицизмом. Плеханов отметил высказывание Д. Викторова, что интерес к философии «чистого опыта» сложился под влиянием убеждения, что в этой философии «даны предпосылки, нужные для философского обоснования социал-демократического мировоззрения».⁴ Богостроители утверждали, что эмпириокритики — атеисты, признающие только опыт, критически проверенный, очищенный от всяких вымыслов. Они утверждали, что не только не выступают против атеистического учения Маркса и Энгельса, но развивают его в свете новейших достижений естествознания, освобождают от устаревших понятий. Они, дескать, не против марксизма, а против «ортодоксального» марксизма, который защищает Плеханов.

В целом ряде работ Плеханов показал, что «новшества» русских эмпириокритиков не имеют ничего общего с марксизмом, а их попытка соединить марксизм с религией, представить его в качестве религиозной системы является настоящим «умопомрачением». Если признать «новшества» эмпириокритиков, то от материалистического учения Маркса и Энгельса ничего не останется. Богданов, на словах отрекаясь от всякой связи эмпириомонизма с религией, заявлял, что он лишь «очищает» марксизм от мистики, изгоняя из него понятие о материи, веру в реальность внешнего мира, упраздняя диалектику, Базаров, призывая отказаться от «святой материи», Берман — от «мистики-диалектики», Луначарский, советуя «сбросить ветхий плащ серого материализма», Юшкевич, утверждая, что на марксизме «мертвым грузом» лежит материализм, который необходимо как можно быстрее «похоронить», — все они на самом деле ревизовали основные положения марксистской философии.

Плеханов уже в 1901—1902 гг. говорил об ошибочности взглядов Богданова, но считал это «уклонение» небольшим. Тогда он считал Богданова возможным союзником в борьбе с ревизионизмом. В неопубликованных подготовительных заметках к статье «Письма к рабочим о философии» Плеханов отмечал, что он молчал, когда русские махисты говорили о теории, надеясь, что они сами осознают свои ошибки, но после того, как они перешли к практике, т. е. богостроительству,

² Архив Дома Г. В. Плеханова (далее АДП), инв. № 5743, ед. хр. № 228.

³ П. Юшкевич. Новые веяния. СПб., 1911, стр. 177. Библиотека Дома Г. В. Плеханова (далее БДП), Б 3751.

⁴ Давид Викторов. Эмпириокритицизм, или философия чистого опыта. М., 1909, стр. 1. БДП, Б 3687.

молчать нельзя, так как теперь они стали «реакционерами не в возможности, а в действительности».⁵

Плеханов показал, что из эмпириомонизма Богданова, отрицавшего объективность материи, пространства и времени, причинности, отвергавшего объективную истину и возможность ее познания, логически вытекала идея бога, бесметрия души, реальность существования ангелов, демонов, чертей и т. п. Богданов, пытаясь «выпрыгнуть» как за пределы материализма, так и идеализма, писал, что его мировоззрение отличается от материализма якобы своим глубоко «аналитическим» и строго «критическим» отношением ко всему содержанию опыта. Поскольку же в опыте ничего нет кроме ощущений, постольку, по его мнению, материя, равно как и дух, есть только комплекс ощущений. От идеализма мировоззрение Богданова отличается тем, что *«не признает никакой высшей, сверхчувственной реальности идей»*. На что Плеханов резонно заметил: «Но признает сверхчувственную реальность ощущений, именуемых элементами».⁶ Плеханов совершенно справедливо писал, что Богданов, пытаясь преодолеть дуализм Маха и Авенариуса, впал в «спиритуалистический монизм». И на самом деле, если рассматривать ощущения не в качестве образа внешнего мира, а в качестве особого «элемента», не зависящего от внешнего мира, то это логически ведет к признанию существования ничьих ощущений, ничьей психики, ничего духа, ничьей воли, т. е. бога. Утверждая, что законы природы и общества есть лишь результат «социально-организованного опыта», Богданов тем самым оставлял место для чудес. Утверждая, что объективная истина есть лишь организующая форма человеческого опыта, Богданов тем самым оставлял место для «организующих форм» религиозного опыта. С точки зрения Богданова, логически вытекало, что вера в бога, дьявола и т. п. несомненно истина, так как она на протяжении длительного времени вполне удовлетворяла критерию общезначимости. С точки зрения Богданова выходит, что столь обеславленные впоследствии процессы над ведьмами имели некоторое «объективное» основание, иронизировал по поводу этих рассуждений Плеханов.

Отрицание абсолютной общезначимости причинной связи Богдановым, считавшим ее более «поздним продуктом» «социально-познавательного развития», логически вело к нелепому выводу о существовании людей до существования земли. Логически, с точки зрения Богданова, выходило, что не люди являются продуктом развивающейся природы, а наоборот, природа порождена людьми в результате высказываний друг другу своих переживаний и согласования своего опыта. Отсюда, отмечал Плеханов, Луначарскому оставалось сделать один шаг, чтобы сочинить религию «без бога». Ведь Богданов так «ясно» показал, что «мир создан людьми, а не богом».⁷ Вот почему «философия» Богданова, выдающая физический мир за создание людей, отмечал Плеханов, есть самая «чистокровная», хотя и очень запутанная, идеалистическая философия. И нужно очень много наивности, чтобы считать возможным соединить ее с марксизмом.

Сильной стороной выступлений Плеханова против богостроительства было то, что он противопоставил его философской основе, субъективно-идеалистическим взглядам Богданова на материю, пространство и время, на законы природы и общества, на причинность и т. д. диалек-

⁵ АДП, инв. № 5743, ед. хр. № 228.

⁶ А. Богданов. Эмпириомонизм, кн. 1, 3-е изд. М., 1908, стр. 18. БДП, Б 3617. Подчеркнуто Плехановым.

⁷ Г. В. Плеханов. Избр. филос. произвед., т. III. М., 1957, стр. 273.

тико-материалистическое понимание материи как объективной реальности, способной действовать на наши органы чувств и тем самым вызывать ощущения, пространства и времени как объективных форм существования материи, законов природы и общества как форм всеобщей связи явлений, причинности как важнейшей формы взаимосвязанности и взаимообусловленности, выражающей закономерное возникновение одного явления вслед за другим. Вместе с тем Плеханов противопоставил агностическому недоверию Богданова к познанию диалектико-материалистическое учение о достоверности нашего познания.

В нашей литературе из книги в книгу утверждение, что Плеханов в гносеологии был сторонником теории иероглифов. Это положение требует разъяснений и уточнения. Действительно, он в одном из примечаний к первому изданию своего перевода брошюры Энгельса «Людвиг Фейербах...» (1892) и в статье «Еще раз материализм» (1899) допустил ошибку, заявив, что представления человека являются условными знаками, иероглифами, а не копиями действительных вещей и процессов природы. Известно, что русские махисты с радостью набросились на эти отступления Плеханова. Но известно также и то, что Плеханов впоследствии (1905) отказался от своей ошибочной позиции в этом вопросе. К тому же, как справедливо отмечал В. В. Орлов, эта ошибка Плеханова была чрезмерно преувеличена.⁸ Плеханов допустил ее, пытаясь отгородиться от «зеркального» понимания отражения, стремясь выразить единство объективного и субъективного моментов в ощущении. Он был весьма далек от кантианского истолкования природы ощущений, в чем пытаются его обвинить некоторые авторы. Плеханов еще в статье «Товарищ Пауль Эрнст и материалистическое понимание истории» (1894—1895) выступал против кантианского разрыва между сущностью и явлением. Отвечая кантианцам, которые утверждали, что мы не знаем того, что есть, мы знаем только то, что нам кажется вследствие данной организации наших органов чувств, он писал, что если бы это было так, то «мы не могли бы предвидеть действия той или иной причины, больше того, мы не могли бы существовать, если бы не было точного соотношения между тем, что есть, и тем, что нам кажется».⁹

Аналогичное разъяснение следует сделать и по поводу утверждения о сближении Плехановым гносеологии французских материалистов XVIII в. с гносеологией Канта. Действительно, в своих работах Плеханов приводил такие формулировки Гольбаха и Гельвеция, которые содержали суждения о невозможности познания «сущности вещей». Но он никогда не считал их, как Канта, агностиками. Подобные упреки в адрес Плеханова основаны на недоразумении, которое было разъяснено им самим. Еще Воден в статье «Plechanow versus Ding an sich» (1899) упрекал Плеханова в том, что якобы тот в своей лекции «О мнимом кризисе марксизма» (1898) истолковал французских материалистов в духе Канта, и в доказательство приводил слова «Völlig im Sinne Kants» («вполне в духе Канта»). Разъясняя это недоразумение, Плеханов писал в письме к Л. И. Аксельрод от 14 IV 1899 г.: «Если я говорил Бернштейну, что материалисты высказывались иногда „Völlig im Sinne Kants“, то это было *иронически*; материалисты не отрицали возможность познания внешнего мира, а кантианец *должен* отрицать ее. Материалисты говорили: мы знаем вещи в себе, поскольку они на нас действуют, а как они выглядят независи-

⁸ В. В. Орлов. Психифизиологическая проблема. Пермь, 1966, стр. 201.

⁹ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. V. М., 1938, стр. 6.

мо от нас, нам неизвестно... Когда французские материалисты говорили: вещи в себе неизвестны нам независимо от своего действия на нас, то они лишь развивали мысль Локка, учение которого могло получить (и получало) двойное развитие в сторону идеализма (Берклей) и в сторону материализма (Дидро, Гольбах). Учение Канта есть робкое признание материализма и в то же время идеализма. Отсюда и его основное противоречие». ¹⁰ В рукописи Оскара Блюма «Критические письма» к месту, где автор неправильно утверждал, что Гельвеций и Гольбах похожи на Канта: «Как и он, они стояли на точке зрения непознаваемости „вещи в себе“», Плеханов сделал следующую поправку: «Признание французскими материалистами того положения, что мы познаем „только кору явлений“, не помешало им признавать и утверждать в печати зависимость мышления от бытия». ¹¹ Плеханов придавал большое значение критике Гольбахом попытки вывести бога из агностицизма. Отвечая тем, кто утверждал, что мы познаем только оболочку вещей, а не их сущность, Гольбах писал: допустим, но наши чувства не показывают нам даже оболочки божества.

Плеханов убедительно показал, что в эмпириомонизме Богданова были заложены все основные принципы, на которых можно было строить религию «без бога». Луначарский лишь заменил гносеологический подход Богданова эстетическим и этическим и перемешал его с мифологизмом Шеллинга, ошибочными положениями религиозно-этического учения Фейербаха, «религией человечества» Конта, религиозными идеями утопического коммунизма, некоторыми неверными высказываниями И. Дицгена о религии. Приведем несколько положений Луначарского, отмеченных Плехановым, подтверждающих сказанное. «Вера в бога, — писал Луначарский, —... сливается в гармонический аккорд с непосредственным впечатлением природы, когда человек подходит к ней не как трудящийся, добывающий у нее, как у мачехи, необходимое для жизни, а как любующийся ее красотой». ¹² «Бог... — цельное социалистическое человечество. Это единственное божественное, что нам доступно. Этот Бог не родился еще — строится только. А кто богостроитель? Конечно, пролетариат в первую голову...» ¹³ Богостроительским стремлениям русских ревизионистов способствовали многие неверные положения о религии теоретиков II Интернационала Каутского, Вандервельде, Паннекука, Штампфера и др., предпринявших раньше своих русских коллег ревизию основных положений марксистского мировоззрения.

Нет необходимости более подробно останавливаться на критике Плехановым взглядов Луначарского и Горького на религию. Этот вопрос достаточно хорошо освещен в нашей литературе. ¹⁴ Но интересно остановиться на неизвестной критике им богостроительства Юшкевича. Это особенно интересно потому, что сам Плеханов первоначально пытался представить эмпириокритицизм и возникшее на его основе

¹⁰ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. I. М., 1934, стр. 314—315.

¹¹ АДП, инв. № 6324, ч. 20, стр. 44.

¹² А. Луначарский. Двадцать третий сборник «Знания». В кн.: Литературный распад, кн. 2. СПб., 1909, стр. 90. БДП, Д 6178.

¹³ Там же, стр. 92.

¹⁴ См.: И. Агол. Плеханов и религиозная реакция. «Спутник коммуниста», № 24. М., 1923; Б. А. Чагин. Защита, обоснование и развитие Г. В. Плехановым марксистской философии. Л., 1957, стр. 63—70; И. А. Кривелев. Выдающийся теоретик и пропагандист научного атеизма. В сб.: Г. В. Плеханов о религии и церкви. М., 1957; С. Н. Полозов. Г. В. Плеханов о религии и борьбе с нею. В сб.: Материализм и религия. М., 1958; И. М. Панюшев. Критика Г. В. Плехановым богостроительства. Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской, т. 176, вып. 9, сер. Философия. М., 1967.

богостроительство в качестве философии большевиков, обходя махистские извращения марксизма со стороны меньшевиков. Поэтому замечание В. И. Ленина о том, что Плеханов в своей критике махизма заботился больше о нанесении фракционного ущерба большевизму, чем об опровержении махизма, вполне справедливо. Но оно относится к первому периоду выступлений Плеханова против этой философии. Позже, в связи с критикой ликвидаторства, он перешел и к резкой критике меньшевиков-богостроителей. В письме к Ф. И. Дану от 26 ноября 1908 г. Плеханов, требуя размежевания со всеми людьми, вносящими элементы «ереси» в марксизм, будь это большевики или меньшевики, писал: «Я не считаю позволительным быть строже к Богданову, нежели к Юшкевичу, на том основании, что первый большевик, а второй меньшевик... *Гетерадокс из лагеря большевиков для меня ничем не хуже гетерадокса из лагеря меньшевиков... Я стою за обоих*».¹⁵

Юшкевич считал попытку Луначарского дополнить марксизм богостроительством вполне «неизбежной» и «правомерной». Религия, по его мнению, не есть нечто неприемлемое для социализма, а наоборот, должна входить составной частью в общее социалистическое мировоззрение, так как социализм не одно только политическое движение. Марксизм, по Юшкевичу, дал сильную «критику Капитала», но не дал и не мог дать «эпопеи Труда», так как на нем «мертвым грузом» лежит материализм. Чтобы избежать этой «односторонности» марксизма, его необходимо «разбавить» дицигенизмом.

Плеханов в работе «Иосиф Дицген» доказал невозможность «дополнить» Маркса Дицгеном, так как у последнего не было ни одного положения, которое можно было бы признать новым сравнительно с тем, что содержится в произведениях Маркса и Энгельса. Дицген интересен там, отмечал Плеханов, где он приближался к основоположникам научного социализма, а не там, где отходил от них, отставая от них. Юшкевичу же Дицген понравился своими уступками идеализму и религии. Так, Дицген, громя «дипломированных лакеев поповщины», вместе с тем не порывал окончательно с религией, под которой понимал «универсальную связь всех вещей».¹⁶ Критикуя Дицгена, Плеханов совершенно справедливо отмечал, что это вовсе не религия, а закон природы.

Юшкевичу понадобился Дицген для того, чтобы, опираясь на него, создать свою религию «эстетического пантеизма». По мнению Юшкевича, определение религии, даваемое Луначарским как стремление разрешить вопрос о «противоречии законов жизни и законов природы», настолько широко, что под него подойдет исключительно вся человеческая деятельность. Юшкевич справедливо указывал, что, с точки зрения Луначарского, религией, несомненно, должны являться медицина, архитектура, инженерное дело и т. п., так как все они стремятся устранить «противоречие между законами жизни и законами природы». Поэтому Юшкевич пытался сузить определение религии. По его мнению, основой религии является чувство связи с социальным целым и природой, но эта связь не реальная, как воображали себе тотемисты, а символическая, метафизическая.

Во взглядах Юшкевича на религию чувствуется сильное влияние учения Э. Дюркгейма об обществе как совокупности психических связей и комплексов идей и о «коллективных представлениях» как основе

¹⁵ АДП, А 28, 2, № 329.

¹⁶ Иосиф Динген. Завоевания (аквизит) философии и письма о логике. СПб., 1906, стр. 50. БДП, Б 3654. Подчеркнуто Плехановым.

всего общественного сознания, включая и религиозное. В полном согласии с Дюркгеймом Юшкевич определял религию как «фетишизм коллективных чувств». Он относил к религии патриотические чувства, чувства корпоративной чести на том основании, что они являются наиболее коллективными, а все коллективные чувства неизбежно якобы приобретают сакраментальный, религиозный характер. По Юшкевичу, можно говорить о религии красоты, прогресса, о религиозном отношении к предмету любви и т. п. Таким образом, как видим, никакого сужения религии у Юшкевича не произошло.

Плеханов совершенно справедливо спрашивал, на каком основании все это должно называться религией, почему моменты, когда «вспыхивает коллективное настроение», должны быть признаны моментами «рождения бога»? Если это так, отмечал он, то необходимо признать, что бог, которому, по мнению богостроителей, предстоит еще родиться, рождался бесчисленное число раз на самых различных стадиях культурного развития благодаря совместной борьбе людей за свое существование. «Коллективные настроения» проявляются не только при совершении религиозных обрядов. Эти настроения проявляются, например, в военных танцах дикарей. Наконец, пролетариат в борьбе против эксплуататоров проявляет свое «коллективное настроение» и свою «общую волю». Плеханов справедливо отмечал, что «коллективные настроения» нельзя считать религиозными уже потому, что они возникают гораздо раньше, чем появляются у людей какие-либо представления о богах. Эти ошибки проистекают из этимологических фокусов, проделываемых со словом «religio», давно разоблаченных Энгельсом.

Но чувство связи с целым — космическим или социальным — не исчерпывает собой, по Юшкевичу, всего содержания религии. Неиссякаемым источником религии, по его мнению, является стремление к покою, В противовес постоянно изменяющемуся «миру бывания» у человека пробуждается потребность в «субстанциональной и неподвижной точке опоры», к которой можно было бы прикрепить «ускальзывающее бывание». Гомологом этого чувства являются чувства уверенности и покоя, приобретаемые верой в более сильную личность. Примером такой веры может служить вера маленького сына во всемогущество отца. По сути дела это все та же «авторитарная» теория религии, основанная на перенесении производственных отношений «авторитарного» общества на область человеческой психики. В статьях «О так называемых религиозных исканиях в России» Плеханов на большом этнографическом материале показал, что авторитарная организация производства отсутствует не только у дикарей, но даже у варваров низшей ступени находится еще в зачаточном состоянии, хотя религия у тех и других уже существует.

Плеханов подверг критике и попытку Юшкевича обосновать с помощью релятивизма необходимость религии. Релятивисты, отмечал он, сначала доведут релятивизм до абсурда, а потом начинают скучать по покою и выдумывать себе боженьку, дающего им успокоение. Спаситься от этой «скуки», отмечал Плеханов, можно, усвоив диалектико-материалистическое учение об абсолютности и относительности движения.

По Юшкевичу, человеку скучно при виде всего привычного. Ему хочется чего-то необычного. Это-то необычное якобы и дает религия, без которой жизнь человека превратилась бы в «серые будни». Без бога, считает Юшкевич, нет «центрального солнца», которое согревало бы всю обстановку обыденного существования. В молитве и других проявлениях религиозной жизни верующий человек совершает то «касание мира иным», которое так необходимо, чтобы прочнее чувствовать себя

в этом мире. Юшкевич готов признать за религию даже сексуальные поиски «необычного» (садизм и мазахизм) пошлых героинь Ф. Сологуба.

С точки зрения Плеханова, попытка богостроителей построить религию «без бога» являлась не более как иллюзией, с помощью которой они пытались уйти от действительности, от необходимости борьбы с нею, хотя при этом лицемерно говорили о богостроительстве как «революционном комфортатизме» (Луначарский), средстве, поднимающем «пафос коллективного творчества» (Юшкевич) и возвышающем человека над его собственной сущностью. Богостроители, обещая построить религию «без бога», не сдержали своего слова, отмечал Плеханов, так как, отказавшись от традиционного понимания бога, они придумали нового и не одного, а несколько: Коллектив, Общество, Человечество, Вид. Разоблачил Плеханов и попытку богостроителей представить свою религию в качестве революционного допинга. Социализм — научное движение, и для борьбы за его идеалы не нужны «религиозные стимуляторы», заметил он во время полемики с Богдановым и Луначарским.¹⁷

Как вспоминала Л. И. Аксельрод, Плеханов во время беседы с попом Гапоном резко обрушился на демагогические заявления последнего, что только с помощью религии можно поднять народ на борьбу с самодержавием: «Так, вы думаете, — обратился Плеханов к Гапону, — что к народу можно и нужно обращаться с такими детскими сказками? Народ — это ведь самая большая сила в историческом движении, народ — это великая вещь, и обращаться к нему с убаюкивающими сказками есть прямое и ничем не оправданное преступление. Идти в народ значит уметь говорить серьезно и, соответственно этому, облекать свою речь в простую, ясную и истинно-красивую форму, а вы, вот, вообразили, что народ состоит из мальчишек и что ему можно рассказывать поэтому вульгарные сказки?»¹⁸ В статье «Священник Г. Гапон» (1905) Плеханов, подчеркивая, что религиозные верования вредят развитию классового самосознания пролетариата, служат опиумом, усыпляющим его, выражал надежду, что следующий шаг в свержении царизма рабочий класс сделает «не с иконами в руках, не с царским портретом, не с хоругвью, не с смиренным прошением на устах, а с оружием в руках, с ненавистью в сердце к царскому самодержавию и под красным знаменем пролетариев всех стран».¹⁹

Плеханов показал, что богостроители совершают смертный грех против логики своими заявлениями о том, что, называя человечество богом, они тем самым якобы возвышают его. Ведь, с их точки зрения, бог — фикция. Называя человечество богом, они тем самым превращали человечество в фикцию. Вместе с тем своим растворением личности в обществе (Базаров, например, сравнивал личности с нейронами и уверял, что «социалистическое чувство» совершенно не несет на себе печати «я») они давали повод богоискателям для нападок на марксизм, в котором якобы личности погашаются в социальных категориях подобно тому, как личность солдата погашается полком и ротой, в которой он служит.

На самом же деле марксистское решение проблемы личности и общества весьма далеко от проповеди «грядущего хамства» (Мережковский), «Серого Некто» (Философов), «предметного благополучия, продолженного книзу, в сторону общедоступного минимума» (Минский), в чем упрекали марксизм виднейшие богоискатели. Марксизм рассматривает соотношение личности и общества диалектически. В свое время

¹⁷ АДП, инв. № 5566, ед. хр. № 52.

¹⁸ Л. И. Аксельрод. Этюды и воспоминания. Л., 1925, стр. 30.

¹⁹ Г. В. Плеханов. Соч., т. XIII. М.—Л., 1926, стр. 201.

Маркс обрушился на Г. Криге, который своей «новой» религией разрывал диалектическое единство личности и общества, проповедовал, что у социализма есть более важная задача, чем забота о нашем жалком «я». Критикуя эти рассуждения Криге, Маркс заметил, что религия Криге, как и всякая другая, кончает сервильным перед метафизической или даже религиозной фикцией, которой является человечество, отделенное от «я».

Отражая клеветнические обвинения богоскателей о том, что теория Маркса якобы не оставляет места для роли личности в истории, Плеханов писал: «Законы общественного развития так же мало могут действовать помимо личности, как законы природы помимо материи. Это не значит, конечно, что личность может устранить действие законов общественного движения с помощью той или иной „субъективной“ выдумки».²⁰ Марксизм не отрицает роли личности в истории, а лишь развенчивает буржуазный культ личности. Плеханов, более чем кто-либо другой из марксистов, занимавшийся вопросом о роли личности в истории, освещал эту проблему всесторонне: 1) личность и необходимость; 2) личность и объективная закономерность; 3) личность и историческая случайность; 4) личность и развитие производительных сил и социальных отношений; 5) активная роль личности в развитии исторических событий.

Критикуя богостроителей, Плеханов развивал положение Энгельса о том, что для понимания величия человека нет необходимости апеллировать к идее бога, а для социализма нет ни теоретической, ни практической надобности разогреть ошибки Фейербаха и налагать штемпель религии на те отношения людей, на те их чувства, настроения и стремления, в которых нет ничего религиозного.

Summary

The article reveals the notable role of Plekhanov in the struggle against idealistic distortion of marxism by an unstable part of Russian social-democrats who after the defeat of the 1st Russian Revolution of 1905—1907 have chosen bogostroitelstvo. It analyses his criticism of the philosophical principles, of the subjective-idealistic views of Russian empiriocritics on matter, space, time, causality, laws of nature and society, problems of personality and society etc., of this reactionary, alien to marxism, religious philosophical trend.

²⁰ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. IV. М., 1937, стр. 12.

86

~~115~~
K-58

Отт.

3126

(И.В.КМ.№2)